

РЕВЮ

персона

“водку”

Дмитрий
Бертман —
Газете

Премьеры театра «Геликон-опера», как правило, шокируют публику: «Леди Макбет Мценского уезда» — трактовкой сюжета; «Лулу» — количеством смертей на сцене; «Средство Макропулоса» — непривычной музыкой. Сегодняшняя премьера «Гершвин-гала» также призвана шокировать зрителей; это единственное сходство постановки с предыдущими премьерами. О спектакле его режиссер Дмитрий Бертман рассказал обозревателю Газеты Илье Овчинникову.

нам прислали по факсу”

«Если вспомнить выдающихся эстрадных исполнителей, то Вертинский тоже пел в основном без микрофона. А сейчас исполнителем попсы можно сделать кого угодно; необязательно даже знать ноты»

Дмитрий Бертман — Газете

Почему вы поставили «Гершвин-гала» вместо «Порги и Бесс»?

По завещанию Гершвина исполнять эту оперу полностью могут только темнокожие певцы. Когда мы собрались ее ставить, то узнали, что это грозит нам крупным штрафом. Мы не успели начать и отказались, хотя в советское время ее здесь ставили очень часто и сейчас ставят иногда.

Верно ли, что это развязало вам руки, позволив сделать авторский спектакль с более свободной структурой?

Конечно. Какие-то из номеров спектакля будут меняться местами, и ему будет от этого только лучше. А когда мы его обкатаем, то сможем делать номера-сюрпризы и приглашать для участия музыкантов со стороны. Возможно, это будет Елена Образцова, недавно сделавшая джазовую программу.

Почему вы против микрофонов?

Если вспомнить выдающихся эстрадных исполнителей, то Вертинский тоже пел в основном без микрофона. А сейчас исполнителем попсы можно сделать кого угодно; необязательно даже знать ноты — это случается в некоторых «советских» театрах и с оперными исполнителями. Микрофоны сразу создали бы ощущение попсы, они ассоциируются с эстрадой.

Тем не менее некоторые номера «Гершвин-гала» напоминают КВН или капустник. Такое ощущение пропадает только к выходу Спортинглайфа, начиная с которого ощущаешь настоящий гершвиновский драйв.

Жаль, если есть ассоциации с КВН: с этим я изо всех сил боролся. Впрочем, мы сознательно старались создать шокирующее впечатление: люди, знающие наш театр, не могли ожидать того, что увидели. «Геликон» ассоциируется с другими видами деятельности, а здесь мы покажем свой резерв. Наши молодые исполнители смогли здесь побыть самими собой, он развязал им руки и ноги. А я, общаясь с молодыми артистами, обновляюсь сам и лучше понимаю то, что делаю.

Вы покажете «Гершвин-гала» за рубежом?

Да, у него уже немало приглашений, хотя едва ли он поедет в Америку: это как в Тулу со своим самоваром. Правда, наша «Летучая мышь» Штрауса имеет успех в Германии, а «Кармен» — во Франции. Эти чудеса невозможно предсказать.

Откуда в спектакле взялась песня «Водка»?

Многие из песен Гершвина до сих пор не изданы, в основном известны только шлягеры. Недавно я ставил спектакль в Канаде, где рассказывал о «Гершвин-гала». Там кто-то вспомнил, что слышал песню Гершвина про водку, долго шли поиски, и за полторы недели до премьеры нам прислали ноты по факсу.

Связана ли для вас эта постановка с предыдущей — со «Средством Макропулоса» Яначека?

Конечно. Просто выбор спектакля зависит от массы факторов. «Макропулос» был тяжелой работой, и после него надо было сделать что-то совсем другое, чтобы это был спектакль с мощной энергетической атакой. Если помните, героиня той оперы искала средство для продления жизни, но, найдя, не стала им пользоваться и умерла. Думаю, оттого, что она не видела спектакля «Гершвин-гала».

Почему вы взяли у Яначека «Средство Макропулоса», а не «Катю Кабанову» по Островскому или «Из мертвого дома» по Достоевскому? Разве они неинтересны российскому зрителю?

Геннадий Николаевич Рождественский как раз хотел делать «Мертвый дом». Это гениальная опера, в 2007 году я ставлю ее в Канаде, но у нас названия из школьной программы могут отпугнуть зрителя. А на спектакль придут не только специалисты, надо заинтересовать всех. Театр начинался с вещей Хиндемита, Дебюсси, Стравинского: на премьерах был полный зал, а потом — пустой. Пришлось менять политику, ставить шлягеры, набирать популярность. Зато теперь мы можем ставить Берга, Шостаковича, Яначека, Пуленка. Зритель идет на «Геликон», а не на название.

Как вам удалось привлечь к сотрудничеству Рождественского?

Он пришел к нам на «Леди Макбет» и был в восторге; потом пришел на «Лулу», и мы договорились делать «Макропулоса». После премьеры Рождественский написал на бумажках тридцать названий, которые хотел бы поставить, и бросил их в шапку. Мы вытянули «Беатриче и Бенедикт» Берлиоза, но потом остановились на комической опере Вагнера «Запрет любви». Это потрясающая опера, совсем непохожая на Вагнера, скорее на Оффенбаха.

Вы много работаете за рубежом.

Никогда не хотели там остаться? Такие предложения получал и я, и вся труппа: всему «Геликону» предложили остаться в Монпелье, и я испугался. Хотя, если

бы не театр, я бы уехал и мог там нормально работать. А строить театр все равно нужно, иначе действительно впору будет уезжать. Работать в этом зале невозможно, мы его переросли, в театре работает четыреста человек. Однако распоряжение мэра о реконструкции вышло, и московское правительство нам помогает. По уникальному проекту мы построим самый современный зал в Москве со всеми последними достижениями техники, мест на семьсот. Мой интерес к строительству — чисто режиссерский.

В вашей жизни есть какие-то грани, не охваченные театром?

Никаких! Это трагедия, ведь театр — иллюзия, а жизнь и человеческие отношения куда важнее. Но сложилось так, что меня театр поглотил полностью, и нет возможности отвлечься от этого.

Чьей репутации наносит больший урон отказ Мариинского театра от участия в «Золотой маске» — театра или премии? Там существует интрига, в которой я еще не смог разобраться. Скорее всего, дело не только в гастрольном плане театра и расписании «Маски», а в более глубоких расхождениях. Жаль. Посмотрим на следующие шаги сторон. Ведь Мариинский театр сегодня — имидж оперной культуры России.

газета

открывший средство
Макропулоса

Руководитель театра «Геликон-опера» Дмитрий Бертман родился в 1967 году. В 1989 году окончил ГИТИС по специальности «режиссер музыкального театра». В 1990 году Бертман создал оперный театр Москвы «Геликон-опера», с 1993 года ставший Государственным. Спектакли Бертмана идут на фестивалях в Швейцарии, Франции, Великобритании, Ирландии, Германии, Литве. С 1996 года Бертман ведет курс режиссуры в РАТИ. В 1998 году Бертману присвоено звание «Заслуженный деятель искусств России». Бертман — неоднократный лауреат театральной премии «Золотая маска». Первым в России поставил «Лулу» Берга и «Средство Макропулоса» Яначека. Ближайшая премьера — «Диалоги кармелиток» Пуленка — в апреле.

Дмитрий Бертман: «Сложилось так, что меня театр поглотил полностью, и нет возможности отвлечься от этого» Фотограф: Владимир Суворов/Газета